

Эдвард Кризи

ВЕЛИКИЕ БИТВЫ XI—XIX ВЕКОВ

ОТ ГАСТИНГСА ДО ВАТЕРЛОО

ХРОНИКИ

ВОЕННЫХ

СРАЖЕНИЙ

Эдвард Кризи

**Великие битвы XI–XIX веков:
от Гастингса до Ватерлоо**

«Центрполиграф»

Кризи Э.

Великие битвы XI–XIX веков: от Гастингса до Ватерлоо /
Э. Кризи — «Центрполиграф»,

Исследуя вооруженные конфликты Средневековья и Нового времени, Эдвард Кризи выбирает восемь наиболее важных сражений этого периода истории, позволяющих во всех деталях рассмотреть масштабную картину эволюции вооружения и ведения войн. Автор анализирует расстановку политических сил к моменту сражения, дает характеристику действиям военачальников, полководцев и флотоводцев, подробно освещает сам ход сражения и, наконец, делает вывод о его значении для дальнейшего хода истории. В этой книге вы познакомитесь с драматическими коллизиями битвы при Гастингсе и сражения у Вальми, узнаете о победах Жанны д'Арк над англичанами под Орлеаном и американцев над генералом Бургойном при Саратогге, рассмотрите все аспекты поражения испанской Армады и битвы Наполеона при Ватерлоо, а также сможете оценить нестандартный взгляд зарубежного историка на Полтавскую битву.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эдвард Кризи

Великие битвы XI—XIX веков: от Гастингса до Ватерлоо

Мир приносит свои победы, не менее славные, чем война...
Эдвард Кризи

Предисловие

Важнейшей отличительной чертой нашего столетия является то, что в цивилизованных странах любые проявления насилия, в особенности войны, все чаще начинают восприниматься с осуждением. Мировое сообщество, конечно, не намерено и вряд ли будет когда-либо готово включить в свои ряды государственных деятелей всех стран. Но даже те, кто порой призывает к войне как средству разрешения неизбежных международных противоречий, сходятся во мнении, что вооруженный конфликт является вынужденной мерой, к которой прибегают после того, как безуспешно были испробованы мирные средства. В этом случае государство точно так же оправдывает закон о самообороне, как и индивидуума, которому грозит неотвратимая серьезная опасность. Что касается писателей, то вряд ли в наши дни они избрали темой своих произведений сражения только из любви к битвам или потому, что бесчисленное множество солдат в них участвовало, а многие сотни тысяч людей были заколоты, зарублены, застрелены или приняли иную смерть. Нет, для писателя это было бы свидетельством слабоумия или порочности. Тем не менее нельзя отрицать, что эти сцены кровавых побоищ вызывают жадный, пусть и опасливый интерес. В проявлении храбрости, вне всякого сомнения, присутствует подлинное величие, а приверженность законам чести позволяет бойцам противостоять страданиям и разрушениям. Нигде мощь человеческого интеллекта не проявляется так ярко, как на месте командира, силой своей воли осуществляющего планирование, построение и управление огромными массами участников вооруженного столкновения. Сохраняя хладнокровие и демонстрируя чудеса храбрости, подвергая себя постоянному риску, он заботится обо всем и отвечает за все. У него всегда есть наготове свежие резервы и новые решения в быстро меняющихся ситуациях массовых побоищ. И такие качества, какими бы непостижимыми они ни казались, всегда можно обнаружить как среди низших слоев общества, так и среди аристократии. Так, Катилина был таким же храбрым воином, как и Леонид, но гораздо более грамотным военачальником. Альба на поле боя превосходил герцога Оранского, а Суворов как полководец был выше Костюшко. Здесь можно вспомнить выразительные строки Байрона:

Все проверяется на деле,
В нем к храбрецам приходит слава или унижение...

Есть такие сражения, которые привлекают наше внимание независимо от моральной оценки, которую мы могли бы дать их участникам. Они всегда будут значимыми с точки зрения того практического влияния, которое их исход оказал на общественные и политические условия современности. Они неизменно вызывают у нас острый интерес, во-первых, потому, что мы пытаемся исследовать причинно-следственную связь этих событий, и, во-вторых, потому, что они помогают нам понять, кто мы такие, и дают почву для размышлений о том, что было бы при ином результате.

Однако мы не должны стремиться считать мерилом мудрости исключительно результат. Мы должны применять более справедливые стандарты, исходя из конкретных обстоятельств и возможностей, стоявших перед политическим деятелем или полководцем во времена, когда он обдумывал план действий. Правильнее оценивать его не с точки зрения удачливости, а с точки зрения всех обстоятельств, которые выражаются греческим словом *Προσπερὲς*, не имеющим эквивалента в нашем языке.

Автор надеется, что после того, как будет описано каждое из сражений, станет понятно, почему он решил остановиться именно на них. Однако прежде он хотел бы сделать несколько замечаний по поводу некоторых других битв, которые сначала показались ему столь же значительными и важными для истории, но которые он после предварительного анализа решил не включать в эту книгу.

Вряд ли стоит напоминать читателю, что число убитых и раненных в битве не является основным критерием для определения ее исторического значения. Скажем, в боях за осадные сооружения англичан, выигранных воинами Жанны д'Арк, в результате которых эти сооружения (т. н. бульвары и бастилии) были захвачены и была снята осада с Орлеана, пали всего несколько сотен воинов. В то же время, по многочисленным свидетельствам восточных историков, в любом из непрекращающихся конфликтов между азиатскими правителями потери были настолько гигантскими, что, руководствуясь этими критериями, войны на Востоке смело можно было бы отнести к событиям планетарного масштаба. Однако, рассмотрев эти войны под углом зрения тех обстоятельств, которые их сопровождали, и внимательно проанализировав те последствия, к которым они привели, тем не менее (хотя они и зачаровывают нас своим величием) приходится отнести их к событиям второго плана. Причина заключается в том, что либо результаты этих сражений были ограничены отдельным регионом, либо эти результаты не смогли подтвердить того огромного влияния, которое, как казалось ранее, могли оказать эти события. Что касается всех битв революционных войн во Франции позднейшей эпохи, они имеют меньшее значение, чем сражение при Вальми, где впервые определился характер войн Французской революции.

Автор понимает, что, даже слегка дав волю воображению и связав ряд событий, мы сможем обнаружить, как, казалось бы, незначительные происшествя, например относительно небольшое боестолкновение, могут оказывать решающее влияние на важнейшие исторические события. Но когда речь идет о причинно-следственных связях, можно говорить лишь о том важном значении, которое имеет один факт по сравнению с другим, а не о тех отдаленных и неопределенных тенденциях, которые могли иметь место в том или ином обществе в прошлом. В то же время существует и школа, проповедующая фатализм, подобно тому как это делают писатели в одной из соседних нам стран. Она утверждает, что история – это не что иное, как цепь обязательных и уникальных событий, которые неизбежно сменяют одно другое. Поэтому, когда автор говорит о вероятности, он имеет в виду то, что могло бы произойти с конкретными людьми. Когда автор затрагивает проблемы причины и следствия, он имеет в виду только те общие закономерности, с точки зрения которых мы воспринимаем то, как регулируются взаимоотношения в человеческом обществе, и в которых мы решительно и категорически признаем мудрость и власть Высшего Законодателя в конструкции, созданной высшим Творцом.

Глава 1

Битва при Гастингсе (1066 г.)

Мелькнувшие в ручье прекрасные ноги Арлетты завоевали ей любовь герцога и подарили миру Вильгельма Завоевателя. Если бы она не привлекла таким образом взор герцога Нормандии Роберта Великодушного, король Англии Гарольд не погиб бы при Гастингсе, не возникла бы нормандская династия в Англии и не было бы положено начало Британской империи. Так писал сэр Фрэнсис Палгрейв, и это, несомненно, правда.¹

Если бы кто-то написал труд под названием «Любовные истории, которые оказали столь драматическое влияние на дальнейшее развитие событий мироздания», то дочь кожевника из прибрежного района страны заняла бы подобающее ей место на страницах этого повествования. Но героем нашего рассказа является ее сын, победитель битвы при Гастингсе, и никто из тех, что признают влияние Англии и созданной ею империи на судьбы мира, не посмел бы отнести это событие к разряду второстепенных.

Правда, некоторые из наших именитых историков прошлого столетия преподносят завоевание страны Вильгельмом Завоевателем так, будто в результате битвы при Гастингсе произошло просто замещение на троне одной королевской династии на другую, а «пронрыдливые нормандские юристы» в результате ловкой подтасовки осуществили замену отдельных государственных законов. Но, наконец, после появления исследования Августина Тьерри, посвященного нормандским завоеваниям, эти исторические фальсификации были разоблачены. Тьерри дает читателю ясное представление о масштабах политической и социальной катастрофы тех времен. Он живыми красками описывает алчную жестокость завоевателей, все те всеобъемлющие жестокие нововведения, которые они принесли с собой, включая отмену как древних, так и самых последних законов, введенных королями англосаксов. На его страницах повествуется о создании нового уголовного и земельного права, появлении новых групп населения и классов. Ради удовлетворения чувства мести или просто каприза нового тирана были опустошены целые районы, большая часть земель была конфискована и поделена между захватчиками, само слово «англичанин» стало бранным. Английский язык стал презираемым как варварский, а все высшие должности в церкви и государстве в течение более чем столетия стали занимать исключительно представители пришлого народа.

Не менее убедительной является оценка, данная Тьерри влиянию нормандского завоевания на общественную жизнь населения, ставшего объектом наступления офранцузенных нормандцев, и последующих поколений. Он предлагает читателю «просто представить себе жизнь в завоеванной Вильгельмом Англии. При этом необходимо понять, что здесь речь не шла о простой смене политического руководства и о победе одного кандидата над другим, представителем другой партии. Здесь одни люди пришли, чтобы низвергнуть других, была насильственным образом осуществлена смена законов и традиций общества. Прежнее общество было уничтожено, и лишь отдельные его фрагменты, или, выражаясь словами старой пьесы, «поверхностный слой», стали достоянием новых владельцев. Читатель не должен рисовать себе картину, в которой Вильгельм является просто королем и деспотом для тех, кто находился наверху и внизу, богатых и бедных обитателей Англии, то есть для всех англичан. Он должен представить себе две нации, к одной из которых принадлежал сам Вильгельм и в которой был верховным вождем. Под властью Вильгельма оказались два народа, над одним из которых он властвовал с самого рождения, а другой подчинил себе. На одной географической территории одновременно как бы существовали два общества – с одной стороны, богатые и свободные, говорящие

¹ Палгрейв Ф. История Нормандии и Англии. Т. I. С. 526.

по-французски нормандцы и, с другой стороны, нищие поработанные англосаксы, обложенные разнообразной данью. Одни жили в просторных домах или даже в замках, обнесенных стенами и рвом, другие ютились в крытых соломой лачугах или в полуразрушенных сараях. Первые вели веселый, праздный образ жизни в окружении двора и под охраной знатных рыцарей. Вторые зарабатывали себе на жизнь тяжким трудом на фермах и в мастерских. Роскошь и высокомерие соседствовали с нищетой и завистью. И это не была зависть бедняка к богачу, высоты положения которого он не в силах достичь. Это была зависть низвергнутого к тому, кто лишил его бывшего положения».

Возможно, в своем труде Тьерри мало коснулся того положительного, что дало стране завоевание нормандцами. И эти факты так же невозможно опровергнуть, как и то, что саксы были ввергнуты завоевателями в состояние нищеты с самого момента битвы при Гастингсе и до подписания Великой хартии вольностей на лугу Раннимид. Именно после подписания хартии начинается настоящая история английского народа, когда англо-нормандцы и англосаксы перестали быть чуждыми друг другу. Первые перестали относиться ко вторым с высокомерным презрением, а вторые отказались от злобы и ненависти к своим завоевателям. И все эти свободные жители страны, будь то барон, рыцарь, йомен или горожанин, заложили основы свободного английского народа.

Нормандские бароны стали главной силой в движении к свободному обществу – те самые «железные бароны», которых так превозносил Чатам. Даже одного только этого упоминания достаточно для того, чтобы заставить страну вспомнить о том, чем она обязана нормандским завоевателям. Они составили военный костяк той разросшейся вширь и вдаль державы с ее самым храбрым и наиболее энергичным из когда-либо живших на земле народов.

Как ни парадоксально это звучит, но на самом деле не будет преувеличением процитировать цитату Гизо о том, что своими вольностями Англия обязана тому, что когда-то была завоевана нормандцами. Соответствует действительности и то, что государство саксов явилось лишь первой ступенью к свободе англичан, что сами по себе они никогда не смогли бы создать по-настоящему свободное общество. Завоевание заставило их вспомнить о чувстве собственного достоинства. Политические свободы в Англии возникли в результате сложившегося положения, когда народы и законы англосаксов и англо-нормандцев смогли найти формы взаимного сосуществования на этом острове. Состояние Англии при последних англосаксонских правителях напоминает состояние Франции в период смены династии Каролингов на Капетингов. Власть короля была слабой, а представители крупнейшей знати – сильными и непокорными. И хотя население в саксонской Англии было более единым, чем во Франции, а институты государства обеспечивали ему больше свободы, чем где-либо еще в Европе XI века, все же существовала вероятность, что предоставленная сама себе политическая система саксов вскоре была бы преобразована в такую же иерархическую аристократическую структуру, которая уже была создана во Франции. Затем последовал бы шаг к абсолютной монархии, а потом – шквал анархических революций, которые происходят сейчас повсеместно, но только не у нас в Англии.

Последние завоеватели острова были храбрейшими и лучшими в своем роде, по сравнению даже с римлянами. И, несмотря на все наши симпатии к личности Гарольда и Гереурда и резко отрицательное отношение к основателю Нью-Фореста и опустошителям Йоркшира, мы должны признать превосходство нормандцев над англосаксами и англо-датчанами, с которыми люди Вильгельма сражались в 1066 г. Точно так же в 912 г. они одержали верх над растерявшими свою доблесть франками и поработанным населением северной части римской Галлии, которая с тех пор носит название Нормандия.

Норманнам удалось подчинить себе конкурирующие племена готических народов не только в силу своей исключительной храбрости и военной дисциплины. Они интуитивно оказались готовы понять и принять более высокую культуру народов, с которыми столкнулись.

Так, герцог Ролло и его соотечественники из Скандинавии с готовностью приняли религию, язык и другие атрибуты цивилизации, которые новая династия Капетингов во Франции, в свою очередь, унаследовала в те суровые и беспощадные времена от империи Карла Великого и Римской империи. «Они приняли обычаи и то бремя обязательств, которое накладывали на них капитулярии императоров и королей. Но сами внесли в выполнение этих законов тот дух жизнелюбия и свободы, привычку к повиновению на поле боя и готовность стать частью политической системы, в которой безопасность всех сочетается с независимостью каждого».²

Они были носителями подлинно рыцарского духа, ревностными защитниками религии, создали настоящий культ поклонения женщине знатного рода, являлись истинными поклонниками нарождающейся поэзии, демонстрировали (пусть это утверждение и спорно) определенный вкус, как в создании архитектурных шедевров, так и в организации пышных празднеств, – одним словом, нормандцы были паладинами нового мира. Их лучшие качества нередко затмевались такими особенностями характера, как высокомерие, безжалостность, жестокость, оскорбительное неуважение к образу жизни, правам и чувствам тех, кого они считали низшими классами человечества.

Постепенное смешение с саксами смягчило эти грубые и неприятные черты национального характера. Взамен же более флегматичные саксы получили изрядную долю характерной для завоевателей жизнеутверждающей властной энергии. Как справедливо признал Кемпбелл, «они подстегнули кровь в наших венах». До прихода нормандцев та роль, которую Англия играла в мире, была очень скромной, и без них страна никогда не смогла бы выбраться из рамок своей незначительности. Можно полностью положиться на авторитет Гиббона, который заявляет: «Несомненно, это Англия стала победителем после того, как была завоевана». Можно с гордостью принять и цитату француза Рапина, который более века назад, описывая битву при Гастингсе, говорит о ломке общества, вызванной этим событием, как «о первом шаге, после которого Англия взошла на высоту того величия и славы, свидетелями которых мы являемся в наше время».

Интерес к этой полной драматических событий борьбе, в результате которой Вильгельм Завоеватель стал королем Англии, еще более усиливается, если более подробно остановиться на личностях тех, кто тогда претендовал на корону страны. Претендентов было трое. Одним из них был зарубежный владыка с севера; вторым был зарубежный владыка с юга; и, наконец, третьим был уроженец самой страны. Первым был самый знатный из королей Норвегии Харальд Гардрада.³

Вторым был герцог Нормандии Вильгельм. И наконец, третьим был Гарольд Саксонский, сын графа Годвина. Никогда прежде за столь достойный приз не боролись столь достойные и доблестные претенденты. Саксонской стороне удалось взять верх над норвежцами, а нормандцам оставалось победить саксов. Но скандинавы, как никогда прежде, продемонстрировали свое величайшее бесстрашие и мужество в битве при Стамфорд-Бридж, где погибли Харальд Гардрада и его войско. А саксы никогда не противостояли своим врагам так отчаянно, как войско Гарольда в тот роковой для него день сражения при Гастингсе.

Во времена царствования короля Эдуарда Исповедника никто не воспринимал всерьез притязания на престол со стороны норвежского короля. И хотя предшественник Гардрады король Магнус однажды заявил, что по договору с прежним королем Гардикнутом он имеет все права на английский трон, им никогда не предпринималось серьезных попыток воплотить в жизнь свои притязания. Но Эдуард Исповедник предвидел соперничество между королем саксов Гарольдом и герцогом Вильгельмом и на смертном одре предрек те бедствия, которое оно обрушит на Англию. Герцог Вильгельм был родственником короля Эдуарда. А Гарольд

² Сисмонди. История Франции. Т. III. С. 174.

³ См.: Снорре. Сага о Харальде Гардраде.

возглавлял наиболее сильный знатный род, и в его жилах тоже текла королевская кровь. К тому же он был храбрейшим вождем и пользовался большой популярностью в народе. Король Эдуард не имел детей, а ближайший его родственник из боковой ветви был еще подростком и ничего не представлял собой как личность. Англия и к тому времени уже достаточно настрадалась при правлении несовершеннолетних королей, чтобы престол достался Эдгару Ателингу. И еще задолго до смерти короля Эдуарда эрл Гарольд в народе рассматривался как будущий король страны, несмотря на то что сам Эдуард, как считалось, отдавал предпочтение нормандскому герцогу.

Незадолго до смерти короля Эдуарда Гарольд побывал в Нормандии. Цель поездки саксонского эрла на континент остается неразгаданной, но тот факт, что в 1065 г. он предстал перед герцогским двором, неоспорим. Вильгельм умело и беспринципно воспользовался этим. Несмотря на то что Гарольд был принят с подчеркнутым почетом и уважением, ему дали ясно понять, что его жизнь и свобода зависят от того, как он поведет себя в беседе с герцогом. С нарочитой доверительностью и дружелюбием Вильгельм заявил ему: «Когда король Эдуард и я жили здесь, как братья под одной крышей, он обещал, что, став королем Англии, сделает меня своим наследником. Гарольд, я надеюсь, что ты поможешь мне в выполнении его обещания». Гарольд был вынужден выразить свое бурное согласие. Позже он согласился жениться на дочери Вильгельма Аделе и выдать замуж свою сестру за одного из баронов из свиты Вильгельма. Хитрый нормандец не удовлетворился одним лишь вынужденным согласием. Он решил вынудить Гарольда дать торжественный обет, который, будучи нарушен, лег бы пятном на репутацию сакса и отвратил бы от него сторонников. В присутствии всех нормандских баронов Гарольда заставили принести присягу герцогу Вильгельму как законному наследнику английской короны. Коленопреклоненный, он вложил свои руки в руки герцога и произнес торжественную клятву, в которой признавал Вильгельма своим господином и обещал верно ему служить. Но Вильгельму и этого было недостаточно. Он приказал собрать вместе мощи и реликвии со всех монастырей и церковей Нормандии и поместил их в зале, где проходила присяга, накрыв позолоченной скатертью. Сверху положили требник. Герцог торжественно обратился к своему номинальному гостю, а в действительности пленнику: «Гарольд, перед этими святыми реликвиями я прошу тебя подтвердить под присягой твои обещания помочь мне получить корону Англии после смерти короля Эдуарда, жениться на моей дочери Аделе и прислать мне свою сестру, которая будет выдана замуж за одного из моих баронов». Гарольда снова застigli врасплох, и он не смог отказаться от уже данных обещаний. Он подошел к требнику и возложил на него руку, не зная, что под ним спрятаны святыне реликвии. Нормандский историк, который дал наиболее точное описание этой сцены, добавил, что, когда Гарольд положил на требник руку, его рука дрожала, а тело трепетало. Но он дал клятву и пообещал взять Аделу в жены и вручить Англию под власть герцога, то есть приложить все свои силы и разум, чтобы это, с помощью Божьей, произошло после смерти Эдуарда, если только Гарольд сам к тому моменту останется жив. Многие закричали: «Бог тому свидетель!» Тогда Вильгельм подошел к требнику и сорвал с ящика со святыми мощами покрывало. Тогда Гарольд понял, какую клятву он только что дал, и многие видели, каким мрачным он сделался после этого.

Вскоре Гарольду было позволено вернуться в Англию. Прошло немного времени, за которое он сумел проявить себя мудрым и справедливым государственным деятелем, разрешая давний конфликт между датчанами и Нортумбрией. А затем ему пришлось принимать решение, будет ли он следовать клятве, к которой его принудил Вильгельм, или займет английский трон, как того хочет народ. 5 января 1066 г. умер король Эдуард, а на состоявшемся на следующий день в Лондоне собрании тэнов и высокопоставленных духовных лиц, а также представителей горожан было провозглашено, что новым королем должен стать Гарольд. Было объявлено, что Эдуард назначил Гарольда своим наследником (английский трон тогда не наследовался).

Короля (после смерти предыдущего монарха) избирал Уитенагемот («совет мудрых» англосаксонской знати при короле), он и избрал в 1066 г. Гарольда. – *Ред.*) Но более важным было то искреннее желание соотечественников в знак признания огромных заслуг Гарольда видеть его на троне страны. Гарольд решил отказаться от присяги герцогу Вильгельму, которая была дана вынужденно и под давлением, и 7 января он был миропомазан как король Англии. Из рук архиепископа он получил золотую корону и скипетр страны, а также тяжелый боевой топор, старинный национальный символ. Вскоре ему очень понадобится этот важный атрибут власти саксонских королей.

Спустя некоторое время из Нормандии прибыл посол, который напомнил Гарольду о клятве, «произнесенной вслух с возложением руки на святые реликвии». «Это правда, – отвечал король саксов, – что я принес присягу Вильгельму. Но я сделал это под давлением. Я обещал ему то, что не принадлежало мне, то, что я не смог бы выполнить. Моя власть не принадлежит мне, и я не могу отказаться от нее против воли моей страны. Я не могу против воли страны взять жену-иностранку. Что касается моей сестры, которую герцог хочет выдать замуж за одного из своих баронов, то она за этот год умерла. Должен ли я отправить герцогу ее тело?»

Вильгельм отправил Гарольду еще одно послание, на которое получил тот же ответ. И тогда герцог отослал во все христианские страны письма, в которых рассказывал о том, что считал клятвопреступлением и вероломством со стороны Гарольда. Он объявлял, что еще до конца года намерен вернуть то, что принадлежит ему по праву, силой меча, а также настичь и наказать клятвопреступника даже там, где тот считает, что находится в полной безопасности.

Однако перед тем, как начать войну, Вильгельм, как послушный мирянин, отправил жалобу на рассмотрение папы римского. Гарольд отказался признать решение папы или отстаивать свое право на королевский престол перед папским судом в Италии. После официального рассмотрения жалобы Вильгельма папой и кардиналами был принят вердикт, что Англия принадлежит нормандскому герцогу. Ватикан прислал Вильгельму знамя, освященное самим папой, и благословение на завоевание Британии. Церковные круги Европы усердно проповедовали, что поход Вильгельма совершается во имя Господа. Помимо получения этой духовной поддержки (эффект которой в XI веке нельзя сравнивать с философским и индифферентным подходом XIX столетия), герцог Нормандии приложил все силы и энергию, все ресурсы своего герцогства и все свое влияние на вассалов и союзников, чтобы собрать «самую большую и грозную силу, которую когда-либо видели народы Запада».⁴

Искатели приключений со всего христианского мира стекались под святое знамя, под которым Вильгельм Нормандский, именитый рыцарь и полководец своего времени, обещал привести их к славе и богатству в принадлежащих ему по праву владениях в Англии. Его армия вобрала в себя многих известных рыцарей Европы (в основном из Франции), тех, кто хотел спасти свои души, воюя по призыву папы римского, мечтая прославить себя подвигами. К тому же воины жаждали получить богатства, которые Вильгельм им щедро пообещал. Но ядром и элитой войска были нормандцы, а душой предприятия был сам герцог, сильный правитель, умелый и воинственный полководец.

Всю весну и лето 1066 г. в портах Нормандии, Пикардии и Бретани шли интенсивные приготовления. По ту сторону пролива король Гарольд также собрал войско и флотилию, с помощью которых надеялся сокрушить захватчиков с юга. Но неожиданная высадка войск короля Харальда из Норвегии на другом участке побережья Англии нарушила планы короля саксов и заставила его перенацелить армию, предназначенную для отражения вторжения армады Вильгельма.

Вдохновителем нападения викингов был предавший Гарольда брат эрл Тостиг. Он уговорил Харальда воспользоваться моментом, когда все усилия были брошены на отражение экс-

⁴ См.: *Макиттош Дж.* История Англии. Т. I. С. 97.

педиции герцога Вильгельма. Норвежский король собрал крупный флот (флотилии такого размера его соотечественники редко посылали к берегам Англии). Флот скандинавов состоял из двухсот боевых кораблей-дракаров и трехсот вспомогательных судов, на борту которых были отборные воины севера. Сначала завоеватели отправились к Оркнейским островам, где к ним присоединились многие их жители, а затем направились к Йоркширу. После упорного сражения в окрестностях Йорка Харальд наголову разбил объединенную армию эрлов Эдвина и Моркара, правивших в Нортумбрии. Ворота города Йорка были открыты, и вся страна от Тайна до залива Хамбер оказалась во власти захватчиков. Слух о поражении Эдвина и Моркара заставил Гарольда оставить позиции на южном берегу страны и немедленно выступить против скандинавов. Необычайно быстрым маршем, всего за четыре дня, его армия вышла к Йорку. Норвежцы и их союзники были застигнуты врасплох. Тем не менее состоявшееся вскоре сражение при Стамфорд-Бридж было упорным, и долгое время его исход был не определен. Войска Гарольда не смогли разбить сомкнутый строй викингов, но им удалось сделать это после преднамеренного отступления. Тогда английские колонны снова двинулись на врага, и началось избиение норвежского войска. Потерями в той битве многие историки объясняют тот факт, что обессиленная Норвегия после нее в течение примерно четверти века не решалась вести внешние войны. 25 сентября 1066 г. король Харальд Гардрода и весь цвет его знати погибли в битве при Стамфорд-Бридж, сражении, ставшем для Норвегии вторым Флодденом.

Гарольд одержал блестящую победу, но и ему пришлось заплатить за нее гибелью многих лучших воинов и командиров. Цена победы была чрезвычайно дорогой еще и потому, что герцогу Вильгельму удалось беспрепятственно высадиться со своей армией на побережье Суссекса. В середине августа весь флот нормандцев собрался в устье Дива, небольшой реки между реками Сена и Орн. Собранная Вильгельмом армия насчитывала до 50 тыс. рыцарей и до 10 тыс. солдат легкой пехоты (такой армии тогда не было и у королей больших государств (не таких, как периферийная Англия). У Вильгельма было около 12 тыс., что тоже немало. Насчет «50 тыс. рыцарей» – много позже, в 70-х гг. XIII в., во всей Англии насчитывалось 2750 рыцарей. – *Ред.*). Многие рыцари входили в состав кавалерии, но некоторым предстояло сражаться в качестве тяжелой пехоты, поскольку вряд ли нормандский герцог имел в своем распоряжении достаточно судов для переправы на побережье Англии 50 тыс. боевых коней (еще одна на порядок дутая цифра. – *Ред.*). Какое-то время стояла неблагоприятная для похода морем погода, и Вильгельм воспользовался этим для того, чтобы завершить организацию и укрепить дисциплину в своей армии. Похоже, ему удалось создать столь же совершенную для своего времени военную машину, как и стоявшая на том же берегу спустя семь с половиной столетий другая армия, которую Наполеон (к счастью, безрезультатно) готовил для такого же броска в Англию.

До наступления осеннего равноденствия продолжал держаться северо-восточный ветер, пока, наконец, его направление не переменялось, и он подул с запада. Только тогда флотилия нормандцев получила возможность покинуть опустылевшее воинам устье Дива. Войска быстро погрузились на корабли и отплыли в поход, но вскоре ветер усилился, и шторм погнал корабли вдоль французского побережья на Сен-Валери-ан-Ко, где большей части армии удалось найти укрытие. Но многие суда перевернулись, и все побережье Нормандии было усеяно телами утонувших. В армии Вильгельма началось брожение, многие рыцари стали выступать против похода, который с самого начала встретил так много препятствий. На самом деле, как оказалось, продержавший армию в устье Дива северо-восточный ветер, а затем шторм оказали войскам вторжения неоценимую услугу. Из-за этого нормандцы не переправились в Англию раньше, когда войска короля саксов стояли на побережье Суссекса в готовности отразить нападение и еще не успели уйти навстречу армии Харальда в Йоркшир. К тому же из-за этой задержки сильный флот Гарольда, который по приказу короля должен был курсировать в про-

ливе и перехватить нормандцев на море, был вынужден на время рассредоточиться, а корабли – отойти в порты для ремонта и пополнения запасов провизии.

Герцог Вильгельм всеми средствами старался снова воодушевить потерявших веру в победу воинов, собравшихся в Сен-Валери-ан-Ко. Он приказал извлечь тело святого патрона этих мест и пронести его в торжественной процессии перед строем воинов, моряков и отправившихся с ним в поход священников. Во время процессии все молили Господа и святого о заступничестве и перемене ветра. В ту же ночь ветер переменялся, и армия «средневекового Агамемнона» снова отправилась в поход.

На всех парусах при попутном южном бризе нормандская армада покинула побережье Франции, двинувшись на покорение Англии. Завоеватели не встретили сопротивления на море и 28 сентября 1066 г. беспрепятственно высадились в бухте Певенси графства Суссекс, между замком Певенси и Гастингсом.

В это время Гарольд находился около Йорка и праздновал недавнюю победу, которая избавила Англию от врагов из Скандинавии, и восстанавливал управление графствами, которое было уничтожено викингами. Здесь он получил известие о том, что армия Вильгельма Нормандского уже находится на побережье Суссекса. Гарольд поспешил с армией на юг навстречу врагу, высадки которого он давно ожидал. Скорее всего, после последнего сражения со скандинавами в его армии было не так много ветеранов, готовых проследовать со своим королем форсированным маршем в Лондон, а оттуда – в Суссекс. Армия остановилась в столице всего на шесть дней. За эти дни Гарольд попытался пополнить войска за счет воинов южных и центральных графств. Кроме того, он приказал флоту сосредоточиться близ берегов Суссекса. В Лондоне радушно встречали своего короля. Горожане, тэны и йомены с готовностью последовали его призыву присоединиться к армии, так как за свое короткое правление он успел проявить себя как мудрый и справедливый правитель. Гарольд сумел заслужить любовь и уважение населения за то, что, по выражению одного историка тех времен, он отдавал все силы и не щадил себя в деяниях на море и на суше. Скорее всего, король собрал бы гораздо более многочисленную армию, чем силы Вильгельма. Но недавняя победа вселила в Гарольда чувство самоуверенности. К тому же он пришел в ярость, узнав, что захватчики опустошили местность, где недавно высадились. Поэтому, собрав относительно небольшую армию в Лондоне, Гарольд поспешил к побережью. Возможно, он надеялся как можно скорее пройти территории графств Суррей и Суссекс и застать нормандцев врасплох. Он только что примерно такими же силами после такого же форсированного марша внезапно обрушился на викингов Норвегии. Но сейчас ему предстояло иметь дело со столь же храбрым, как Харальд, но гораздо более опытным и осторожным противником.

В старых нормандских хрониках скрупулезно, буквально по часам описываются приготовления Вильгельма к дальнейшим действиям. Самым лучшим будет далее попытаться воспроизвести эти многочисленные источники, дошедшие до нас в виде нормандских баллад в стихах и суховатых хроник на латыни, изложив их языком историка нашего времени. При этом автор постарается довести эту информацию в максимально сжатом виде, без излишней вычурности в деталях и некоторой непривычности выражений. Эти источники сообщают, что собственный корабль Вильгельма был лучшим во всем флоте вторжения. «Он назывался «Мора» и был подарен Вильгельму герцогиней Матильдой. В передней части корабля, которую моряки называют носом, находилась бронзовая статуя ребенка, изготовившегося к стрельбе из лука. Его лицо смотрело в сторону Англии, и он глядел так, будто вот-вот спустит стрелу в направлении этой страны. К моменту прибытия армии вторжения к вражескому побережью ветер утих, и высадка прошла без помех. Корабли подошли к суше в ровном строю. Нормандцы, потомки викингов, были умелыми моряками. Их корабли быстро подошли к берегу, где встали на якорь и их закрепили канатами. Затем воины взяли свои щиты и мечи. Потом были выгружены боевые кони и лошади для перевозки людей и грузов. Первыми на берег высадились лучники с

натянутыми луками и полными колчанами стрел. Одетые в легкие доспехи, они находились в полной готовности начать стрельбу, отражая атаку врага, или самим выдвинуться вперед или на фланги для того, чтобы обрушить свои стрелы на противника. Готовые к бою воины провели разведку местности, но не обнаружили вооруженного противника. За ними последовали рыцари с оружием, в кольчугах, с подвешенными к шеем щитами и в шлемах. Они построились на берегу в конном строю и с поднятыми копьями и мечами на поясе сразу же бросились в глубь территории. Потом на берегу появились плотники с большими топорами в руках и инструментами за плечами. Они стали искать место для установки деревянных укреплений. На кораблях они привезли из Нормандии в разобранном виде три деревянных замка. Один из них был сразу же выгружен, и плотники сразу же начали крепить между собой его массивные бревна. К вечеру работа была закончена, и на английском берегу появился первый нормандский форт, в котором разместили склады. После ужина и выпивки каждый в армии пребывал в приподнятом настроении оттого, что находится на твердой земле».

Когда герцог Вильгельм ступил на берег, он поскользнулся и упал вперед на обе руки. Присутствующие издали крик разочарования. «Плохой знак», – говорили они. Но сам Вильгельм вдруг громко воскликнул: «Смотрите! Милостью Божьей я схватил Англию обеими руками. Теперь она моя, а значит, и ваша».

На следующий день нормандцы отправились вдоль берега к Гастингсу. Возле города герцог приказал подготовить лагерь и установить там еще два разборных замка. Фуражиры и те, кто отправился в поход в поисках добычи, стали захватывать в окрестных селах одежду и провизию, сколько могли унести, поскольку то, что прибыло на кораблях, предназначалось не для них. Англичане покидали свои жилища и пытались спастись сами и увести с собой скот. Многим удалось укрыться, но и этих людей не покидало чувство глубокой тревоги.

Помимо фуражиров из нормандского лагеря в глубь страны по приказу Вильгельма отправились отряды всадников. По дороге они встретили совершавшую марш из Лондона армию Гарольда. Нормандцы организованно отступили к лагерю и сообщили герцогу, что король саксов с поспешностью безумного движется в их сторону. Но Гарольд, поняв, что его надежды внезапно обрушиться на врага не оправдались, изменил тактику и остановился примерно в 12 км от армии нормандцев. Он отправил в лагерь противника лазутчиков, которые понимали французский язык, с заданием определить количество врагов и их намерения. По возвращении шпионы с удивлением сообщили королю, что в армии герцога больше священников, чем солдат во всей армии англичан. На самом деле лазутчики Гарольда по ошибке приняли за священников солдат Вильгельма, носивших короткую стрижку и бривших лица, в то время как среди мирян Англии было принято носить длинные волосы и усы. Гарольд, знавший нормандские обычаи, засмеялся в ответ на эти слова и сказал: «Те, кого вы сегодня видели в таком великом множестве, не священники, а храбрые солдаты, что они скоро дадут всем нам почувствовать».

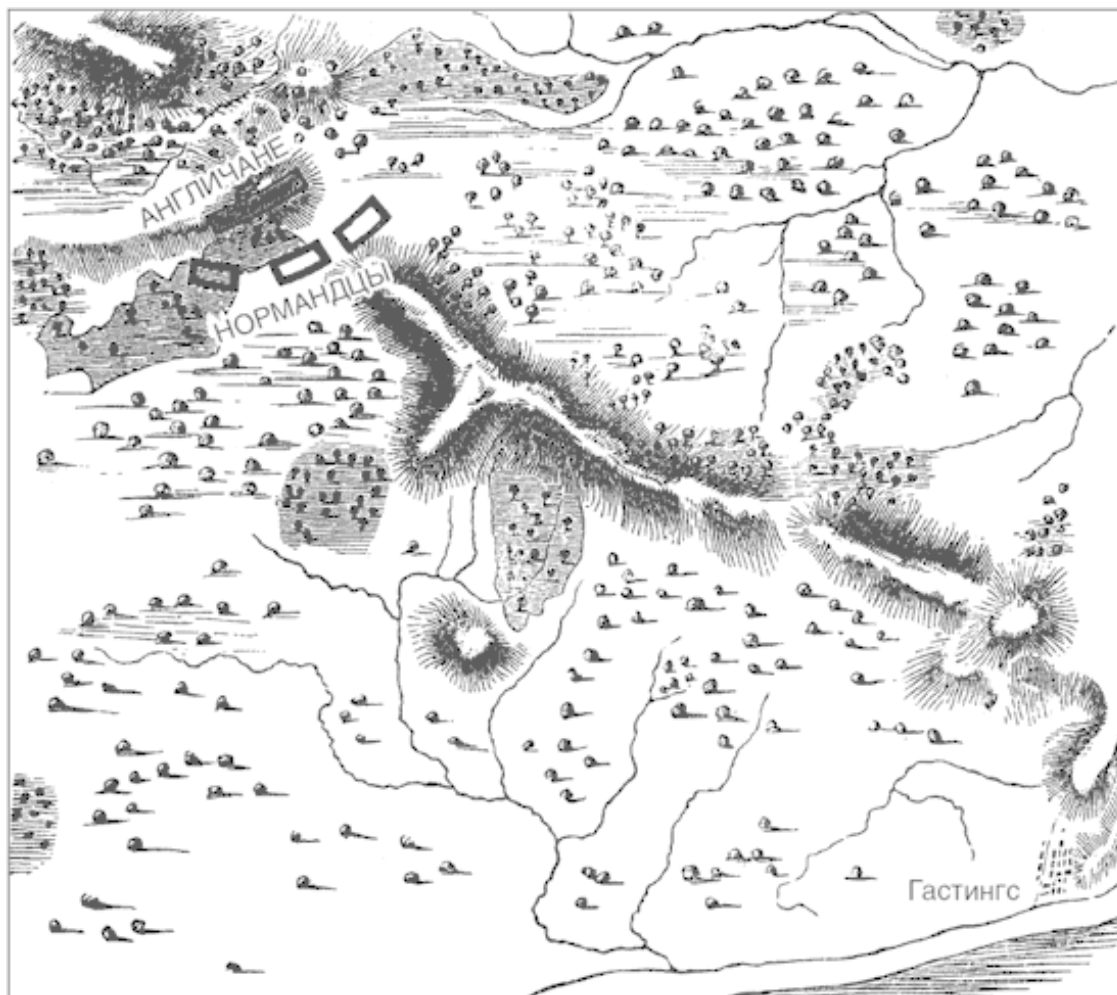
Численно армия Гарольда значительно уступала войску завоевателей (у Гарольда было примерно столько же воинов, как и у Вильгельма (т. е. около 12 тыс.), но качественно франко-нормандское войско было сильнее. – *Ред.*). Некоторые командиры советовали королю отступить к Лондону, попутно опустошая земли, чтобы захватчики теряли свои силы от голода. Несомненно, следовать такой тактике было бы самым мудрым решением. Ведь саксы снова собрали свой флот, который не допустил бы подвоза Вильгельму провизии из Нормандии. А как только запасы продовольствия у нормандцев подошли бы к концу, их герцогу пришлось бы вести армию к Лондону, где его встретил бы король саксов во главе всех военных сил своей страны. Тогда ему удалось бы отразить нападение врага или, может быть, просто стать свидетелем того, как армия вторжения погибнет от голода и болезней, даже не вступая с ней в бой. Но безрассудная храбрость Гарольда возобладала, а его добрая натура противилась даже мысли о том, что его верные южные саксы, пусть даже временно, окажутся во власти всех горестей и

лишений после того, как их территория будет опустошена. «Он решил не предавать огню дома и деревни и не отводить свои войска».

В лагере Гарольда находились и его братья Гирт и Леофвин, и Гирт решил убедить короля оставить поле боя. Этот эпизод говорит о том, насколько верным был расчет Вильгельма заставить Гарольда присягнуть на святых реликвиях. Молодой принц обратился к брату: «Мой брат! Ты не можешь отрицать, что пусть и силой, а не свободной волей, но ты принес присягу герцогу Вильгельму на святых мощах. Зачем же рисковать исходом битвы, нарушая эту клятву? Для нас, кто не давал никаких клятв, это священная и справедливая война за нашу страну. Дай нам одним сразиться с врагом, и пусть в битве победит тот, на чьей стороне правда». В ответ Гарольд заявил, что не намерен смотреть, как другие рискуют за него своей жизнью. Солдаты будут считать его трусом и обвинят, что он послал своих лучших друзей туда, куда не осмелился отправиться сам. Он решил, что лично примет участие в битве. Но он был слишком опытным полководцем, чтобы первым начинать сражение. Поэтому король укрепил свои позиции на холме, где остановил свою армию, приказав установить палисад из столбов, между которыми построили изгородь из ивняка. На этом месте, как заявил Гарольд, он будет обороняться от любого, кто попыбует взять его лагерь.

На месте, где стояла армия Гарольда, до сих пор сохранились развалины аббатства Баттл. Главный алтарь стоял как раз там, где во время битвы находился королевский штандарт. На этом месте бой был наиболее упорным. Сразу же после победы Вильгельм дал обет построить на этом месте аббатство, и величественное строгое здание было возведено там, где спустя еще много веков монахи возносили молитвы и служили мессу по душам тех, кто погиб во время сражения, имя которого получило аббатство. Раньше это место называлось холм Сенлак («Кровавое озеро»). Оборонительные сооружения, возведенные Гарольдом, конечно же не сохранились, но и сейчас нетрудно представить себе, как выглядело то поле, на котором разыгралось трагическое действо. И невозможно не отдать должное военному таланту Гарольда в построении своей армии, особенно если учесть, что у него совсем не было кавалерии, главной силы противоборствующей стороны.

Череда холмов выдается вперед от возвышенности, расположенной к северо-востоку от Гастингса, почти на 12 км. Эта узкая гряда тянется с юго-востока на северо-запад, и вдоль нее, возможно, в те времена, как и сейчас, проходила дорога на Лондон. На некотором расстоянии от Гастингса холмистая местность заканчивается и переходит в долину. По другую сторону этой долины, как раз напротив последнего холма, находится небольшая возвышенность, обращенная на юго-восток, которая называлась холм Сенлак. Именно здесь расположилась армия Гарольда. Атаковать ее в лоб было в тактическом отношении невыгодно для наступающего. Любой маневр грозил ему опасностью удара во фланг, поскольку любое движение у подножия высот прекрасно контролировалось сверху. В тылу оборонявшихся находился труднопроходимый лес, который, казалось, создавал свободу маневра для людей Гарольда и служил серьезным препятствием для противника, в случае если под напором врага саксам пришлось бы отступить со своих позиций. Все говорило о том, что если удастся отразить первый натиск нормандцев, то они вряд ли смогут спастись от решительного поражения. С такими надеждами и ожиданиями (которые были небезосновательны, хотя, как говорится, пути Господни неисповедимы) король саксов приказал водрузить свой штандарт чуть ниже по склону от вершины холма Сенлак, там, где подъем наверх был наименее крутым, и, следовательно, там, где ожидалось нанесение противником основного удара.

План сражения при Гастингсе.

Недавно было обнаружено каменное основание главного алтаря аббатства. Теперь каждый может ступить на то самое место, где когда-то стоял король Гарольд и где над ним развевалось знамя Англии, где после начала битвы он до конца держал оборону, где в него попала роковая стрела и он «склонился в агонии над своим щитом». После этого он был сбит с ног, а потом было сбито и знамя саксов, чтобы, как и он, никогда уже больше не подняться вновь. Развалины алтаря находятся несколько западнее от дороги, которая, как уже говорилось, ведет из Гастингса вдоль холмов через долину и современный городок Баттл в Лондон. До тех пор пока вдоль долины не была проложена железная дорога, местность пребывала практически в том же состоянии, что и в старину. Тогда легко можно было увидеть самый пологий подъем из долины вверх, место, которое Гарольд выбрал в бою для себя. Но и сейчас можно различить тот участок, прямо напротив большого алтаря, где стояли храбрые воины из Кента, «правом которых было первыми встретить врага, когда король вступит в битву». Они построились там, где нормандцы и французы должны были нанести первый удар. Вокруг самого Гарольда, там, где теперь находятся сады, окружающие остатки большого алтаря, стояли жители Лондона, «привилегией которых было защищать короля, стоять вокруг него и охранять королевский штандарт». Правее и левее находились другие воины Центральной и Южной Англии. Названия графств, откуда были родом те воины, были искажены во французских хрониках, поэтому не все они дошли до нас. Глядя отсюда в сторону Гастингса, можно различить «гряду холмов, с которой нормандцы начали наступление». Это ближайший из гряды холмов. Гарольд и его братья видели, как вдоль этого холма один за другим движутся три нормандских отряда. Нор-

мандцы спустились по склону и построились в долине перед тем, как начать лобовую атаку позиции саксов по всему фронту. Отряд самого Вильгельма, «самая лучшая и сильная часть его армии», наступал в центре и двигался прямо на королевский штандарт Гарольда, что предвидел король саксов перед битвой, исходя из характера местности.

История знает не очень много сражений, где план поля битвы определен так точно, как в битве при Гастингсе, тем более что каждый ее участок, каждая сцена наполняет англичанина особенными чувствами. В наших сердцах зажигает особый интерес то, что происходило на участке, где сражался и погиб сам король Гарольд. Разбросанные серые камни алтаря с проросшими сквозь них дикими цветами воспринимаются как мемориал храбрым саксам, сложившим здесь свои головы. А растущие вокруг лавры, которые возвышаются над развалинами аббатства, напоминают о завоевателях, чьи победоносные знамена попирали выпавшее из рук побежденных знамя саксов, в то время как ликующие нормандские и французские рыцари пировали над телами поверженных противников.

Когда в лагере захватчиков у Гастингса стало известно, что король Гарольд со своим войском направляется на юг, они поняли, что до решающей схватки двух противоборствующих армий остаются считанные часы. Генеральное сражение полностью отвечало планам Вильгельма, и довольный герцог отдал приказ своей армии выступать из лагеря на холмах навстречу саксам. При этом Вильгельм не упускал возможности деморализовать армию противника. По его приказу вновь и вновь повторяли все обвинения и претензии в адрес Гарольда. А нормандский герцог, демонстрируя показное смирение и великодушие, решил взять на себя еще и роль миротворца и спасителя жизни людей с обеих сторон.

«В лагерь саксов от имени Вильгельма прибыл монах по имени Гуго Майгро, который выдвинул к королю три требования: либо отречься от престола в пользу Вильгельма, либо предстать перед судом папы, который примет решение, кто из двух претендентов должен стать королем, либо решить спор с Вильгельмом в поединке. Гарольд решительно ответил: «Я не отрекусь от трона, не предстану перед папским судом и не приму вызова на поединок». Он не страдал недостатком смелости, но не имел права ставить на кон корону, которую получил по воле всего народа. Поэтому Гарольд не считал, что судьба английского престола может послужить ставкой на дуэли или быть предметом судебного разбирательства итальянского первосвященника. Вильгельм абсолютно спокойно воспринял отказ Гарольда, но продолжал упорно гнуть свою линию. Он снова отправил в лагерь саксов монаха с новыми инструкциями: «Иди и скажи Гарольду, что, если он согласится сдержать данную мне клятву, я оставлю ему всю страну выше реки Хамбер. Его брат Гирт получит все земли, принадлежавшие Годвину. Если же он и теперь отвергнет мое предложение, ты должен при всех объявить его клятвопреступником и лжецом. Ты скажешь, что он и все те, кто его поддерживает, прокляты устами римского папы, о чем говорится в булле, которую я получил в Риме».

Гуго Майгро торжественно зачитал новое послание. В нормандских хрониках говорится, что, когда он произнес слово «отлучение», английские командиры смотрели друг на друга так, будто вдруг поняли, какая угроза нависла над ними. Потом один из них сказал: «Мы должны биться, независимо от того, чем это нам грозит. Речь не идет о том, что мы должны принимать или не принимать нового короля, как будто наш старый король умер. Все обстоит иначе. Нормандец уже поделил наши земли между своими баронами, рыцарями и прочими людьми. Большая часть из них уже присягнула герцогу как хозяева новых земель. Все они ждут, что, как только их герцог станет королем, они получают эту плату, и он сделает их хозяевами нашего имущества, наших жен и дочерей. Все уже заранее поделено. Они пришли не просто разбить нас, а чтобы лишить всего и наших потомков и отнять у нас земли наших предков. И что мы будем делать, куда нам идти, если у нас не будет больше нашей страны?» Англичане едино-

душно решили не давать захватчику мира и не заключать с ним перемирие, а умереть или отбросить его обратно в Нормандию».⁵

Переговоры велись 13 октября. Вечером герцог объявил своей армии, что следующий день станет днем сражения. Эту ночь две армии провели по-разному. Солдаты-саксы провели ее весело, распевая национальные песни. Они сидели у костров и пили из огромных рогов эль и вино. Нормандцы, проверив лошадей и оружие, предались молитвам, распевая их тысячеголосным хором вместе с монахами.

Великое сражение произошло в субботу 14 октября. Имея на руках обширную информацию о нем и хорошо зная местность, где оно происходило, можно легко составить подробный рассказ о каждом эпизоде битвы. Но будет лучше предоставить слово авторам волнующих старинных хроник, которые писали по горячим следам, пока еще свежи были в памяти картины битвы и пока не угасли в сердцах ближайших потомков чувства и воспоминания ее участников. Нормандский поэт Роберт Вас специально для короля Генриха II написал поэму «Роман де Ру», где дал красочную и живописную картину этого события. От него мы получили живую полную картину битвы. Перед его пером блекнет даже талант самых блестящих писателей-романистов современности. Кроме того, существует знаменитое старинное ковровое полотно Байё, на которое можно положиться даже больше, чем на слова историков и поэтов (кстати, сцены в произведении Васа совпадают с эпизодами, вытканными на этом полотне). На этом гигантском гобелене изображены все основные события экспедиции Вильгельма Завоевателя. Там же, пусть и в несколько гротескной форме, приведены сцены сражения. Мы можем принимать или опровергать легенду о том, что автором полотна была королева Матильда и придворные дамы, которые своими руками выткали огромный ковер в честь короля-завоевателя. Но это произведение, несомненно, было создано в том же столетии, когда состоялась великая битва.

Давайте же волей фантазии старинного нормандского историка перенесемся в графство Суссекс, в район к северо-западу от Гастингса, с его обдуваемыми ветрами, поросшими травой крутыми холмами, тянущимися от бушующего моря и нависающими над разбросанными тут и там долинами, тесными проходами в густых лесах. Все это одето богатыми красками осени. Давайте представим себе все это в то утро 14 октября 785 лет назад (943 года в 2009 году). Вот из своих палаток высыпают нормандские воины. Они по одному и группами быстро занимают место в строю. Недавно закончилась утренняя месса. Бароны собрались вокруг герцога Вильгельма. Герцог приказал разделить армию на три больших отряда, чтобы одновременно ударить по лагерю саксов на трех участках. Герцог стоит на возвышении, откуда он может лучше видеть своих подчиненных. Бароны стоят вокруг, и он гордо отдает им команды. Вильгельм говорит, что доверяет им, что все завоеванное им будет принадлежать и его подчиненным, что он уверен в победе, так как во всем мире нет больше такой храброй армии и таких умелых воинов, как собравшиеся вокруг него. Они в ответ приветствуют его криками. Кто-то восклицает: «Здесь не будет ни одного труса, никто не побоится умереть за тебя, если потребуется!» В ответ герцог говорит: «Я благодарю вас всех. Во имя Господа, с самого начала нужно ударить всей мощью. Не отвлекайтесь сбором трофеев. Вся добыча будет общей, и ее хватит на всех. Мы не найдем спасения, если остановимся или побежим с поля боя. Англичане никогда не согласятся жить в мире и делить власть с нормандцами. Они были и остаются предателями и обманщиками. Не имейте к ним снисхождения, потому что они вас не пожалеют. Они не будут делать различия между тем, кто трусливо бежал с поля боя, и тем, кто бился храбро. Со всеми поступят одинаково. Вы сможете попытаться отступить к морю, но дальше некуда будет бежать, там не будет ни кораблей, ни переправы на родину. Моряки не будут ждать вас. Англичане захватят вас на берегу и предадут позорной смерти. В бегстве гибнет больше людей, чем в битве. И поскольку бегство не спасет вам жизнь, сражайтесь, и вы победите. Я не сомне-

⁵ Тьерри.

ваюсь в победе. Мы пришли за славой, победа в наших руках, и мы можем взять ее, о чем я вас прошу». Так говорил герцог, и он, наверное, продолжал бы говорить дальше, но вперед выехал на одетом в броню коне Вильгельм Фитц-Осбер и воскликнул: «Сир! Мы стоим здесь слишком долго, пора браться за оружие. Аллонс! Аллонс!»

И все вернулись в палатки и тщательно вооружились. И герцог отдавал последние указания каждому командиру по отдельности. Он был любезен со своими вассалами и раздал им много оружия и лошадей. Перед тем как облачиться в доспехи самому, он потребовал свою кольчугу, и, когда слуги ее принесли, сначала он по ошибке надел ее задом наперед. Увидев, как помрачнели лица тех, кто стоял вокруг, он спокойно переделся и заявил: «Я знаю немало людей, которые, если с ними случится такое, никогда бы не осмелились взять в руки оружие и дать сражение в тот же день. Но я никогда не верил и не верю приметам. Я верю в Бога, который Своею волей определяет ход событий. И на все, что случится, будет Его воля. Я никогда не верил прорицателям и предсказателям судьбы. Я вверяю себя воле Божьей Матери. И пусть эта моя оплошность вас не беспокоит. Мое переодевание означает, что мы все стоим на пороге перемен. Вы сами будете свидетелями тому, как из герцога я превращусь в короля». Надев кольчугу и шлем, герцог опоясался мечом, который принес его паж. Потом герцог кликнул своего великолепного боевого коня, которого в знак дружбы прислал ему король Испании. Конь прекрасно слушался своего хозяина и бросался по его приказу в бой, не обращая внимания на звуки битвы и вид многочисленных врагов. Уолтер Гиффард подвел коня герцога. Герцог протянул руку и принял повод. Потом он вставил ногу в стремя и взлетел в седло. Конь ударил копытом, взвился на дыбы и затанцевал под всадником. Наблюдавший, как вооружается герцог, виконт Тоарз сказал стоявшим рядом: «Никогда я не видел человека, который так же хорошо обращается с оружием и держится в седле, кто так ловко держит копье и прекрасно управляет конем. Нет другого такого рыцаря под небесами! Он справедливый герцог и будет хорошим королем. Он вступит в бой и победит. Позор тому, кто посмеет подвести его».

Потом герцог приказал принести штандарт, который прислал ему папа римский. Слуга принес и развернул его. Герцог принял штандарт и позвал Рауля де Кончеса. «Неси мой штандарт, – приказал он, – это право исстари принадлежит вашему роду знаменосцев Нормандии. Во все времена вы были хорошими рыцарями». Но Рауль заявил, что в этот день хочет послужить своему господину в другом качестве. Он будет участвовать в бою с англичанами, будет разить их своей рукой, пока жив. Тогда герцог предложил нести штандарт Галтьеру Гиффарту, но тот ответил, что уже стар и сед, пусть штандарт несет кто-то другой, кто был моложе и сильнее. Тогда герцог сердито вскричал: «Именем великого Господа! Я вижу, мои господа, что вы намерены подвести меня в этот великий день». – «Сир, – ответил Гиффарт, – это совсем не так! Мы не совершаем предательство, и я отвергаю даже мысль подвести вас. Но я должен вести в бой рыцарей своего лена и тех, кто определен в мой отряд. У меня никогда еще не было большей возможности с честью выполнить свой долг перед своим господином. Я служу вам по воле Бога и, если нужно, отдам за вас свое сердце и приму за вас смерть». – «Скажу честно, – ответил герцог, – что всегда любил тебя, а теперь люблю еще больше. Если я переживу сегодняшний день, то ты никогда не пожалеешь о своих словах». Потом он обратился к рыцарю по имени Тостейнс Фитц-Роу ле Бланк родом из Бек-ан-Ка, о котором прежде слышал много хорошего. Услышав, что ему доверен штандарт, Тостейнс с гордостью принял эту честь и с благодарностью поклонился. Он смело и решительно выполнил свою задачу. Его потомки и сейчас любят рассказывать о чести, оказанной предку, и, наверное, потомки потомков тоже всегда будут этим гордиться.

Сев на коня, Вильгельм позвал барона Рожера, которого звали де Монгомери. «Я очень на тебя надеюсь, – сказал он, – веди своих людей в этом направлении и атакуй их с той стороны. С тобой пойдет сын сенешаля Осбера Вильгельм, верный вассал, который будет помогать тебе в атаке с людьми из Булони и По и с моими воинами. Ален Фергер и Амери будут атаковать

с другой стороны. Они поведут в бой воинов из Пуатье и Бретани, с ними будут и все бароны из Мена. Я со своими рыцарями, друзьями и родственниками буду биться в центре, где битва будет самой жаркой».

Бароны, рыцари и простые воины уже успели полностью вооружиться. Воины-пехотинцы были хорошо экипированы, у каждого был лук и меч. На их головах были шлемы, а на ногах – высокие башмаки на толстой подошве. Некоторые имели защиту тела из кожи, другие – из нескольких слоев холста. Они несли луки и колчаны со стрелами за плечами. Рыцари надели кольчуги, железную обувь и сияющие шлемы. Они были опоясаны мечами, на шеях несли щиты, а в руках – копья. У каждого был собственный герб, все могли отличить друга от неприятеля, чтобы нормандец по ошибке не убил нормандца, а француз – француза. Впереди сомкнутым строем пошли пехотинцы-лучники. За ними, поддерживая лучников с тыла, ехали верхом рыцари. Медленным шагом в плотном строю, чтобы никто не отстал и не потерялся, пешие и конные смело пошли вперед.

Гарольд собрал своих эрлов, баронов и вавассоров из замков и городов, портов, поселков и деревень. Из окрестных деревень собрали жителей, вооруженных тем оружием, которое им удалось раздобыть: палицами, длинными пиками, вилами и дубинками. Англичане собрались вокруг места, где стоял Гарольд со своими друзьями и баронами.

К нему сразу же прибыли воины из Кента, Хертфорта, Эссекса, Суррея и Суссекса, Сент-Эдмунда и Суффолка, Нориджа и Норфолка, Кентербери и Станфорта, Бедефорта и Хундехтона. Также пришли солдаты из Нортантона и из Евровика и Бакингема, и из Беда и Ноттингема, Линдеси и Николя. Пришли и те жители западных районов, до которых дошел зов короля. Очень много людей пришли из Солсбери и Дорсета, Бата и Сомерсета. Также пришло много воинов из Глостера, Вустера, Уинчестера, Хонтезира и Бричезира. И много пришло людей из других районов, которые историки не перечисляют. Все, кто услышал о вторжении Вильгельма, кто мог носить оружие, пришли, чтобы защитить свою землю. Не пришли только те, кто жил выше реки Хумбры (Хамбер): после вторжения скандинавов и Тостига они были слишком ослаблены и заняты своими делами.

Гарольд знал, что нормандцы вот-вот будут атаковать его, поэтому он заранее расставил своих людей на поле боя. Он и сам с самого раннего утра полностью вооружился и облачился, как подобает столь славному господину. Герцог, сказал он, придет, чтобы сразиться с ним, потому что он хочет захватить Англию. Поэтому англичанам необходимо выстоять в битве, защищая свою землю. Он отдал приказы командирам и посоветовал баронам держаться вместе, защищая в строю друг друга. Если строй будет нарушен, то снова собрать людей будет очень сложно. «Нормандцы, – говорил король, – верные вассалы и отважные воины, как в пешем, так и в конном строю. Их конные рыцари уже не раз участвовали в битвах. Если им удастся вклиниться в наши ряды, то все для нас будет потеряно. Они воюют длинным копьем и мечом. Но у нас тоже есть копья и секиры. И я не думаю, что их оружие устоит против нашего. Бейте там, где можете нанести удар, не стоит жалеть своих сил и оружия».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.